

Капитан П.М. Михайлов и «младотурки»

Антон Фомин

Captain P.M. Mikhailov and the «Young Turks»

Anton Fomin

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S086956870015465-2

В историографии можно встретить упоминания о кружке офицеров русской армии, члены которого, по аналогии с турецкими военными заговорщиками, получили в начале XX в. полуироничное прозвище «младотурки»¹. При этом исследователи приводят отрывочные и противоречивые сведения о деятельности этого кружка, его целях и составе участников. Они заставляют задуматься о степени вовлечённости российского офицерства в политическую борьбу в годы третьей ионийской монархии.

Капитан П.М. Михайлов редко попадал в поле зрения историков², но именно он оказался в центре крупного конфликта, в котором были замешаны высокопоставленные армейские чины и депутаты Государственной думы. Пётр Михайлович родился 12 мая 1865 г. в семье потомственного дворянина, заслуженного ординарного профессора юридического факультета Санкт-Петербургского императорского университета, действительного статского советника М.М. Михайлова, являвшегося какое-то время членом Харьковской судебной палаты, а затем директором Санкт-Петербургского тюремного комитета³. Видимо, домашняя обстановка сказалась на его сыне. Пётр владел четырьмя языками: французским и немецким — свободно, а также английским и итальянским⁴. Избрав в 1882 г. военную стезю, в 1897 г. Михайлов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба⁵, но не выдержал переводные экзамены на 3-й («дополнительный») курс, а потому считался окончившим её по «2-му разряду», без права на зачисление в корпус офицеров Генерального штаба. Он нигде не задерживался надолго и за 10 лет успел побывать в трёх

© 2021 г. А.Ю. Фомин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90046.

¹ *Айратов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1905—1917). М., 2003. С. 12—21; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. М., 2020. С. 124—130; *Кожевин В.Л.* Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 43; *Fuller W.* Civil—Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985. P. 192—205.

² *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011. С. 462—463; *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 105—106; *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907—1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38—39.

³ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 400, оп. 17, д. 29763, л. 2.

полках и отдельном резервном батальоне, а в 1894—1896 гг. уже служил при Главном штабе. Затем он был отправлен в уже четвёртый по счёту полк, но там практически не появлялся, проведя год в отпуске за границей. С 1901 по 1904 г. Михайлов снова числился при Главном штабе: сначала в Военно-исторической комиссии, потом — в Военно-статистическом отделении. 7 января 1905 г. его назначили в офицерский резерв действующей армии⁶. На театре военных действий Михайлов получил малозначительную должность в управлении генерал-квартирмейстера и параллельно писал корреспонденции по заданию «Русского инвалида» — официальной газеты военного ведомства⁷.

Карьера Михайлова буксовала: на 26-м году службы он всё ещё оставался обер-офицером, тогда как обычно оканчивавшие Академию «по 2-му разряду» уже получали штаб-офицерский чин, даже не имея опыта службы в центральном аппарате военного ведомства. Вероятно, это объяснялось конфликтным, неуживчивым характером и нечистоплотностью в денежных делах. В Главном штабе Михайлов постоянно занимал и не отдавал долги (даже своему начальнику генералу Д.К. Гершельману)⁸, не раз взыскивавшиеся в судебном порядке. В 1909 г. за капитаном ещё числилась задолженность перед кассой при Главном штабе⁹. По словам сокурсника, он пользовался «весьма нелестной репутацией» и среди слушателей Академии Генштаба¹⁰. На Дальнем Востоке Михайлов заведовал «писарской командой», но был отчислен от штаба вследствие «неудовлетворительности работы и неумения вести денежные дела»¹¹. Вернувшись с войны, Пётр Михайлович отправился в четырёхмесячный отпуск, а затем был переведён в разряд «эвакуированных»¹². При этом он продолжал заниматься журналистикой и весной 1906 г. стал корреспондентом «Русского инвалида» в I Государственной думе¹³.

По мере того, как определялось политическое «лицо» народного представительства, тон репортажей Михайлова становился всё более критическим. Сохраняя форму сухого, беспристрастного отчёта, он довольно искусно создавал максимально непривлекательный для читателей образ Думы. Избегая оценочных суждений, нигде прямо не высказывая свою позицию, Михайлов манипулировал словами депутатов и выставлял их предложения в нелепом виде, не ставя под сомнение сам принцип народного представительства¹⁴. Из этих репортажей можно было сделать единственный вывод: революционно настроенные, некомпетентные, не способные даже организовать прения депутаты не принесут пользу стране и их следует распустить. При освещении работы II Думы приёмы Михайлова остались прежними, но действовал он несколько иначе¹⁵. Основное внимание корреспондент «Русского инвалида» уделял теперь не репликам депутатов (даже правых), а заявлениям правительства, глава которого, П.А. Столыпин, отказавшись от пассивной тактики своего преемника

⁶ Там же, л. 3—4.

⁷ Айрапетов О.Р. Пресса и цензура в Русско-японскую войну // Русско-японская война 1904—1905: взгляд через столетие. М., 2004. С. 348.

⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 80 об.

⁹ Там же, л. 28.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 81.

¹² Там же, л. 73.

¹³ РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2892, л. 8.

¹⁴ Русский инвалид. 1906. 28 апреля; 30, 31 мая, 2, 10, 17, 28 июня; 1 июля.

¹⁵ РГИА, ф. 1278, оп. 1, д. 673, л. 1.

И.Л. Горемыкина, не раз выступал в Думе с программными речами. Смысл нового подхода редакции очевиден — продемонстрировать активность правительства, отодвинув саму Думу на второй план.

Со временем офицера-журналиста заметили. В 1908 г. Михайлов покинул армию и поступил на службу в Канцелярию Государственной думы, руководство которой нуждалось в чиновниках, хоть сколько-нибудь компетентных в военных делах. В ноябре 1907 г. по инициативе депутатов из фракции «Союза 17 октября» была образована Комиссия по государственной обороне, но её членам, не исключая и отставных офицеров, явно не хватало специальных знаний для анализа законопроектов военного и морского ведомств. Председатель комиссии А.И. Гучков, опасаясь последствий подобной некомпетентности, желал видеть на должности делопроизводителя профессионального военного. В Главном штабе ему рекомендовали Михайлова, и Гучков лично добился его назначения, хотя против выступали секретарь Думы И.П. Созонович и фактический начальник её канцелярии Я.В. Глинка¹⁶. По свидетельству Михайлова, Александр Иванович даже угрожал секретарю Думы, заявив: «Если капитан Михайлов не будет назначен делопроизводителем, я принужден буду сложить с себя звание председателя Комиссии по государственной обороне»¹⁷. На первый взгляд это был весьма подходящий кандидат, имевший необходимое образование, умевший владеть пером и знакомый с думской «кухней». В августе 1908 г. Михайлов приступил к исполнению своих новых обязанностей, а 6 ноября его официально назначили делопроизводителем VI класса законодательного отдела Канцелярии Государственной думы с переводом на гражданскую службу и переименованием в коллежские асессоры¹⁸.

Однако Гучков быстро разочаровался в своём выборе. По его словам, Михайлов «оказался как канцелярист никуда не годным, плохо писал доклады, был ленив и хамски груб со своими подчинёнными»¹⁹. Вместе с тем он не был удовлетворён положением технического сотрудника и хотел сам поучаствовать в большой политике. «Гучков, несомненно, видел в нём своего человека и пользовался, очевидно, мелкими услугами его, не касающимися его службы. Худшее, что только может быть. Михайлов же, будучи крайне бестактным, бесталанным и глупым человеком, всячески старался показать, что он находится под покровительством человека, имеющего вес и значение. Он возмечтал о себе и старался даже всей Канцелярии всячески показать, что он играет крупную роль в делах обороны государства», — писал в дневнике Я.В. Глинка 4 декабря 1910 г.²⁰ 8 марта 1910 г. Гучков был избран председателем Думы. Уже весной он, по словам Глинки, «указал Михайлову, что ему надо принять меры к подысканию другой должности, так как служить в Канцелярии Государственной думы ему нельзя. Михайлов обещал»²¹. Но в июле Гучков сложил с себя

¹⁶ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе, 1906—1917: Дневник и воспоминания / Публ. Б.М. Виттенберга. М., 2001. С. 74.

¹⁷ РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 2.

¹⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 7.

¹⁹ Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 81. В одном из писем Михайлов многословно оправдывается перед Гучковым за невыполнение работы в срок, ссылаясь на неправильную постановку дела в думской Канцелярии (ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 999, л. 1—2).

²⁰ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 74.

²¹ Там же.

председательские полномочия, поскольку ему предстояло отбывать наказание за дуэль с гр. А.А. Уваровым²².

Тем временем, разойдясь со своим бывшим покровителем, Михайлов сочинил донос, компрометирующий Гучкова и связанных с ним лиц. Написан он слишком обстоятельно и литературно для такого жанра, события излагались от первого лица, в хронологическом порядке, с массой мемуарных деталей, отступлений и бытовых зарисовок, заставлявших сопереживать автору, разделять его удивление и негодование. Перед читателем постепенно раскрываются «преступные» замыслы Гучкова.

Вначале Михайлов декларировал свои убеждения. При знакомстве секретаря Думы будто бы спросил его: «Вы — офицер, не революционер?», на что Пётр Михайлович ответил: «Как был всегда честным слугой и верноподданным своего самодержавного монарха, таким и останусь до конца дней своих. Кроме того, я никогда не забываю, что мои скромные имя и фамилия вместе с дворянским званием были удостоены чести носиться великим императором Петром 1-м»²³. Далее скромный тёзка бомбардира Петра Михайлова давал нелицеприятную характеристику чиновников думской Канцелярии: «Присматриваясь к моим новым сослуживцам, я заметил, что большинство из них настроено оппозиционно к современному образу правления, т.е. по своему политическому “credo” они, в лучшем случае, октябристы, в худшем — кадеты. Покойный делопроизводитель переселенческой комиссии А.Д. Шипов иначе меня не приветствовал и не упускал случая заметить, что “вот идёт самый мрачный представитель черносотенства”; на это я ему отвечал: “горжусь быть черносотенцем; как исконное русское имя, оно, конечно, непереносимо для кадетоидов и жидов, которых полагал бы или повесить, или выселить из России; а ещё больше терпеть не могу жидовствующих русских”. Обращаясь затем к начальникам отделов, я убедился, что г. Глинка и г. Маиевский — ярые кадеты, самого левого оттенка, а г. Шеин — как бы беспартийный, иногда, по виду, он правый, а если нужно, то октябрист, а то и втайне — кадет. Равным образом и прочие служащие в отделах общем и финансовом — кадеты»²⁴.

Ещё большее беспокойство вызывали у Михайлова конфиденциальные поручения председателя думской комиссии. Однажды во время разговора Гучков «сказал мне: “Вам известно, что с нами работает группа офицеров Генштаба с генералом Гурко во главе?” Я ответил, что “мне это известно”. “Ну-с, так вот, я прошу вас, как только будут поступать законопроекты и сметы, тотчас отсылать их к генералу Гурко, а также и к капитану Л.З. Соловьёву”»²⁵. Такое задание показалось Михайлову подозрительным: «Я никак не мог представить себе существование такой “группы” наряду с Военным министерством и с Комиссией по государственной обороне Госдумы. Каковы её цели, назначение, что она преследует? ... Я отправился на квартиру генерала Гурко и, застав его одного дома, сказал о поручении, данном мне А.И. Гучковым. Генерал Гурко со свойственной ему манерой говорить просил меня аккуратно доставлять

²² Подробнее см.: *Иванов А.А.* «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльские скандалы (1906—1917). СПб., 2018. С. 246—296.

²³ РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 5.

²⁴ Там же, л. 13—14.

²⁵ Там же, л. 9.

законопроекты, дабы своевременно их можно было бы обсуждать с членами Госдумы... Убедившись в существовании “группы офицеров Генштаба”, я решил выяснить состав её, для чего начал производить свои наблюдения»²⁶.

Таким образом, Михайлов якобы сразу начал «двойную игру»: исполняя поручения Гучкова, он собирал информацию о его делах и сотрудничестве с кружком военных, которое изображалось как грубое нарушение дисциплины и даже посягательство на прерогативы «верховного вождя» армии. Не желая участвовать в этом сговоре, Михайлов будто бы перестал посылать документы генералу Гурко и капитану Соловьёву и этим на несколько месяцев фактически приостановил работу кружка²⁷. Однако едва ли его участники стали бы терпеть столь дерзкое поведение скромного канцеляриста. Тем более что, по его же собственным словам, передача бумаг возобновилась после повторного приказа Гучкова²⁸. Тем временем в 1909 г. Гучков «уехал в Турцию и вернулся оттуда лишь 27 февраля. По приезде в С[анкт]-П[етер]б[ург] он вызвал меня к себе для доклада текущих дел. Во время моего доклада его часто отрывали звонки / к телефону. С кем А.И. Гучков говорил я, конечно, не знаю, но кому-то он объяснял, что “младотурки — это те же октябристы” и что “особенно благоприятное впечатление производит председатель межджлиса Ахмед Риза паша, которому он, А.И. Гучков, обещал выслать некоторые законопроекты и документы, касающиеся реформ местного самоуправления, городского благоустройства и т.п.”. Дня через два я получил от А.И. Гучкова распоряжение: запаковать некоторые доклады по этим вопросам (доклады были уже в руках А.И. Гучкова) и отправить этот пакет почтой через 2-го драгомана нашего посольства в Турции Андрея Николаевича Мандельштама для передачи его превосходительству Ахмеду Ризе паше от А.И. Гучкова»²⁹.

Затем в руки Михайлова якобы попал документ, разоблачавший Гучкова и Гурко: «После пасхальных вакаций в апреле месяце в делопроизводство пришёл секретарь комиссии А.И. Звегинцев и передал мне несколько исписанных листов и просил меня, чтобы я приказал перепечатать на машинке в пяти экземплярах возможно скорее. Я спросил его: “это служебный документ или частный?” А.И. Звегинцев ответил: “о да, это совершенно частная работа, к делопроизводству не относящаяся”... Прежде чем дать в перепечатку эти листы, рассмотрел, что именно это за работа. 5 или 7 страниц листовой бумаги, кругом исписанные, носили общий заголовок “К обсуждению военного бюджета”. На последней странице рукой А.И. Звегинцева было написано карандашом: “результаты совместной работы за 1908—1909 гг.”. Затем написаны карандашом тоже рукой А.И. Звегинцева фамилии: “Генерал Гурко, полковник Хотяинцев, полковник Новицкий, полковник Беляев, полковник Ниве, полковник барон Корф, капитан Соловьёв (ныне подполковник), А.И. Гучков, А.И. Звегинцев, Н.В. Савич”. Прочтя эти фамилии, я сразу догадался, что это и есть та “группа офицеров Генштаба”, которая “работает совместно с членами Госдумы”... Отрезав эти карандашные заметки, я отдал в печать эти листы, и когда была готова работа, т.е. 5 экземпляров, я их отнёс в общее собрание и передал вместе с черновиками и отрезанными бумажками с фамилиями А.И. Звегин-

²⁶ Там же, л. 10.

²⁷ Там же, л. 16—17.

²⁸ Там же, л. 18—19.

²⁹ Там же, л. 19—20.

цеву, который поблагодарив меня, передал мне экземпляр, сказав: “а это вам, на память себе возьмите”. Я взял этот экземпляр и в тот же вечер ознакомился с его содержанием»³⁰.

На этом месте сохранившаяся часть рукописи Михайлова обрывается, и уже невозможно установить, о каком, собственно, документе шла речь. Очевидно лишь, что он не содержал ничего секретного, если его могли оставить в виде подарка «на память». Тем не менее даже данный эпизод использовался Михайловым для того, чтобы создать впечатление, будто Гучков создаёт в России организацию наподобие той, которая совершила переворот в Турции. Такие серьёзные и отчасти правдоподобные (поскольку неформальные контакты депутатов с военными действительно имели место) обвинения, несомненно, должны были заинтересовать думских монархистов, для которых на первом листе стоит пометка: «Совершенно доверительно, не подлежит оглашению за пределами партии правых»³¹. Но главным адресатом являлись всё же не они, а военный министр В.А. Сухомлинов.

Его предшественник А.Ф. Редигер стремился к сотрудничеству с «третьеиюньской» Думой и не избегал неформальных контактов с депутатами. В начале декабря 1907 г. по просьбе Гучкова он пригласил к себе тех членов Комиссии государственной обороны, при которых мог говорить «откровенно», и, очертив «все дефекты военного ведомства», сообщил, что на «потребности и более или менее обоснованные пожелания наши нам нужно около двух миллиардов рублей»³². В дальнейшем, «если нужны были секретные объяснения, то они давались Гучкову или двум-трём делегатам комиссии»³³. Однако, по мнению председателя, ей необходимы были регулярные консультации с экспертами. Поэтому Гучков обратился к генералу Гурко, которого хорошо знал со времён своей поездки к бурам. Получив согласие военного министра, Гурко стал работать с думцами³⁴, а в 1908 г. возглавлял Военно-историческую комиссию по описанию Русско-японской войны. В неё входили: К.М. Адарида, М.В. Грулёв, П.Н. Симанский, Ф.П. Рерберг, С.П. Илинский, А.М. Хвостов, В.Н. Минут, Н.Н. Сиверс, А.В. фон Шварц, Н.А. Корф и К.К. Агафонов³⁵. Из них по меньшей мере трое (Рерберг, Корф и Илинский) сотрудничали с депутатами³⁶. На заседаниях образовавшегося вскоре кружка обычно присутствовали 10—12 военных³⁷. Совещания продолжались более двух лет, помимо самого Гурко в них участвовали М.В. Алексеев, Ю.Н. Данилов, В.И. Марков, Ф.П. Рерберг, Н.А. Корф, С.П. Илинский, В.Ф. Новицкий, С.А. Хотьинцев, В.В. Беляев, П.А. Ниве, Л.З. Соловьёв, помощник военного министра А.А. Поливанов. Почти все они были причислены к корпусу офицеров Генштаба или по меньшей

³⁰ Там же, л. 21—22.

³¹ Там же, л. 4.

³² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 187.

³³ Там же. См. также: Гучков А.И. Указ. соч. С. 55.

³⁴ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 25.

³⁵ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 40.

³⁶ Рерберг Ф.П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904—1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1906—1909 гг. Мадрид, 1967. С. 301; Чирков А.А. Взаимоотношения думской комиссии... С. 42.

³⁷ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 314; Чирков А.А. Взаимоотношения думской комиссии... С. 43.

мере являлись выпускниками Академии, как Корф и Соловьёв, служивший в ГУГШ. Со стороны думцев ведущую роль играл Звегинцев — офицер Генштаба в отставке, секретарь Комиссии обороны и правая рука Гучкова.

В кружке обсуждали прежде всего те самые законопроекты военного ведомства, которые якобы отказывался рассылать Михайлов. Однако участники этих встреч не были стеснены регламентом и могли высказываться по любому вопросу. Разумеется, такие беседы не годились для подготовки государственного переворота по турецкому образцу, но между военными и депутатами складывалась определённая политическая солидарность. В частности, и те и другие признавали, что при наличии Думы преобразования в армии уже нельзя провести без широкого публичного обсуждения.

У. Фуллер полагает, что Редигер не сообщал Николаю II о кружке Гурко и своих контактах с депутатами³⁸. Однако их трудно было скрыть от царя и министра внутренних дел, возглавлявшего правительство. Так или иначе, министр был отправлен в отставку после того, как частично согласился с Гучковым, заявившим в начале марта 1909 г., что из всех командующих приграничными округами лишь один³⁹ соответствовал занимаемой должности⁴⁰. По мнению В.С. Дякина, это выступление против «негодных» высших армейских начальников могло быть заранее согласовано между Редигером, Гучковым и Столыпиным⁴¹. Однако в таком случае они явно не предусмотрели возможные последствия. Император болезненно воспринимал подобное вторжение в сферу своих прерогатив.

Если Редигер считал, что «по военной части многие реформы удалось провести лишь ввиду наличия Думы»⁴², то сменивший его Сухомлинов предпочитал искать опору в доверии монарха, который приказал ему даже не появляться в Думе без особой необходимости⁴³. Взаимодействовать с народным представительством теперь приходилось помощнику военного министра Поливанову, но и он в апреле 1912 г. был снят с должности за излишне доверительные отношения с депутатами и лично Гучковым⁴⁴. В этих условиях судьба кружка Гурко была предрешена, а обвинения Михайлова, сколь бы нелепо они ни звучали, пришлись как нельзя кстати. Сухомлинов воспользовался ими, чтобы удалить занявшихся политикой генералов и офицеров из столицы⁴⁵.

В 1930-е гг., беседуя с Н.А. Базили, Гучков вспоминал, что Михайлов был «приставлен» к Комиссии обороны в «качестве соглядатая» и составил «обстоятельный донос... где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен готовить антимонархические течения, а может быть, и действия, в самой армии»⁴⁶. Но кто мог «приставить» Михайлова, если сам Гучков добивался его назначения?

³⁸ Fuller W. Op. cit. P. 202.

³⁹ Командующий Киевским военным округом генерал Н.И. Иванов — хороший знакомый Гучкова.

⁴⁰ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 2226.

⁴¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 135.

⁴² Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 284.

⁴³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924. С. 67.

⁴⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 149—150.

⁴⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1928. С. 190—191.

⁴⁶ Гучков А.И. Указ. соч. С. 81.

Гучков уверял Базили, что решил уволить Михайлова, поскольку контрразведка подозревала его в шпионаже⁴⁷. В 1915 г. в своих показаниях по делу о «причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии», возбужденному против Сухомлинова, Гучков вспомнил о Михайлове и явно хотел показать, что полковник С.Н. Мясоедов был не единственным офицером-изменником в окружении бывшего военного министра. Тогда же показание против Михайлова дал депутат П.Н. Крупенский — один из ближайших сотрудников Гучкова по Комиссии обороны, в квартире которого часто проходили совещания кружка⁴⁸. По его словам, в 1909 г. он якобы «узнал из-за границы, что в Комиссии государственной обороны на службе находится капитан Михайлов, и что [он] должен быть под надзором в смысле недопущения его к государственным секретам»⁴⁹. О своих подозрениях депутат сообщил Гучкову и Сухомлинову, но последний лишь спросил: «Михайловых много, как его имя?» и не предпринял никаких действий⁵⁰. Между тем «вскоре А. Гучков обнаружил, что Михайлов интересуется главные документами секретного шкафа комиссии, и решил его удалить, но тому мешал... секретарь Государственной думы Созонович. Основания его были, думаю, либо то, что как крайний правый он не желал поддерживать лидера октябристов, либо получил от капитана Михайлова записку, о которой говорили. В которой Михайлов, желая себя защитить, указывал, что его гонят за то, что он обнаруживает Гучкова, Савича и меня в младотуречестве и что он об этом писал, кому следует, не знаю, правда ли это, но допускаю, что так. Во всё это вмешалось совещание Государственной думы и с трудом Михайлов был удалён»⁵¹.

Гучков, в свою очередь, заявил, что просил Поливанова проверить подозрения насчёт Михайлова, и вскоре получил справку от начальника контрразведки, подтвердившую его опасения⁵². Он также сообщил, что адресатом доносов Михайлова был Сухомлинов: «Об этом заговоре им была составлена подробная докладная записка, экземпляр которой был им, между прочим, передан генералу Сухомлинову, после чего генерал Сухомлинов, как мне говорили, не раз вызывал его к себе для личных показаний»⁵³. И Гучков, и Крупенский настаивали на том, что именно нависшее над ним подозрение в измене заставило Михайлова выступить с разоблачением заговорщиков-младотурок.

Между тем справка Гучкову, присланная Поливановым и подписанная заведующим Особым делопроизводством ГУГШ полковником Н.А. Монкевицем 1 ноября 1910 г., сохранилась⁵⁴. Однако и в ней нет даже косвенных доказательств причастности Михайлова к шпионажу. Выдвинутое против него обвинение основывалось на неясных слухах и смутных подозрениях отдельных лиц, которые даже не могли вспомнить(!), что заставило их усомниться в «надёжности» Михайлова⁵⁵.

Тем не менее этот документ помог Гучкову добиться увольнения своего об-

⁴⁷ Там же. С. 82.

⁴⁸ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 41.

⁴⁹ ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 737, л. 24.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 24—25.

⁵² Там же, л. 31—32.

⁵³ Там же, л. 32.

⁵⁴ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 79.

⁵⁵ Там же, л. 80—81.

личителя. Момент был выбран удачно: незадолго до появления справки Монкевица в Думе произошёл настоящий шпионский скандал. Корреспондент Австрийского телеграфного агентства, российский подданный барон Э.П. Унгерн-Штернберг передал австро-венгерскому военному атташе гр. Спанокки добытый в Думе законопроект о контингенте новобранцев на 1909 г., а также доклад Комиссии обороны о проведении призыва на воинскую службу в 1910 г. Разоблачил Унгерн-Штернберга австрийский полковник Альфред Редль, работавший на российского военного агента в Вене М.К. Марченко⁵⁶. 28 октября 1910 г. суд приговорил барона за измену к 4 годам каторги с лишением прав состояния⁵⁷. Михайлов был непричастен к передаче секретных документов. Из военного министерства в Думу поступило 550 экземпляров законопроекта о контингенте новобранцев на 1909 г., значительная их часть была роздана депутатам⁵⁸. Унгерн-Штернберг попросту купил забытый в зале заседаний экземпляр законопроекта у кого-то из прислуги Таврического дворца за 2 руб., доклад Комиссии обороны достался ему таким же путём⁵⁹. Следствие по данному делу подтвердило, что в Думе небрежно относились к секретным документам⁶⁰. Михайлов выступал на процессе Унгерн-Штернберга в качестве свидетеля и, по словам Я.В. Глинки, охотно рассказывал про «непорядки, царящие в Канцелярии и в Комиссии по обороне, чем окончательно разозлил Гучкова», вернувшегося 29 октября на пост председателя Думы⁶¹.

Несмотря на то что ни следствие по делу Унгерн-Штернберга, ни контрразведка не выявили никаких компрометирующих Михайлова фактов, его репутация была безнадежно испорчена. Фракция правых уже не могла ничего сделать, и в начале декабря ему пришлось согласиться подать прошение об отставке. 4 декабря 1910 г. Глинка уже записал в дневнике, что «Михайлов уволен»⁶². 26 февраля 1911 г. было официально оформлено увольнение Михайлова из Канцелярии Государственной думы.

Самое удивительное, что Михайлов давно уже находился в поле зрения контрразведки, собравшей на него обстоятельное досье с данными наружного наблюдения. «Михайлов известен с 1904 года, — отмечалось в деле, — когда он, состоя на службе в Главном штабе, был замечен в сношениях с неизвестным иностранцем, оказавшимся затем австрийским подданным бароном Адольфом Одколен; 29 сентября того же года Одколен, при встрече с Михайловым, передал что-то последнему. Кроме того, Михайлов часто посещал: редакцию газеты “Русь”, помещавшуюся в доме № 27 по Итальянской улице, Павловского Николая Александровича, коллежского асессора, и проживавшую в доме № 53 по набережной Фонтанки вдову чиновника Софью Михайловну Бакланову, с которой встречался почти ежедневно, находясь, видимо, с ней в интимных отношениях»⁶³. Во второй раз Михайлова взяли под наблюдение в связи с делом Унгерн-Штернберга, но уличить его в чём-либо не удалось. Впрочем,

⁵⁶ *Markus G. Der Fall Redl. Vienna, 1984. S. 127—144.*

⁵⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 467, л. 244.

⁵⁸ Там же, ф. 1278, оп. 2, д. 1157, л. 8.

⁵⁹ *Markus G. Op. cit. S. 138.*

⁶⁰ *Зверев В.О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904—1914 годы). Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2017. С. 225—226.*

⁶¹ *Глинка Я.В. Указ. соч. С. 74.*

⁶² Там же. С. 75.

⁶³ РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1, л. 4.

было зафиксировано, что в декабре 1910 г. Михайлов «стал усиленно посещать лиц, имеющих видное положение»⁶⁴. К сожалению, имена не указывались, но, скорее всего, среди них был военный министр, которому Михайлов именно тогда рассказывал о «младотурках».

Контрразведка продолжила собирать сведения о Михайлове и после его ухода из Думы. В досье отмечается, что в начале 1912 г. Пётр Михайлович перебрался из Петербурга в Киев, где жил на широкую ногу, добывая крупные суммы «аферами по покупке и продаже имений»⁶⁵. В досье, составленном 22 августа 1916 г., Михайлов стал фигурантом дела Сухомлинова.

После начала Первой мировой войны Михайлов ходатайствовал перед императором о возвращении на военную службу. В прошении он изложил кратко историю своего конфликта с Гучковым: «Различие в политических взглядах моих как офицера и потомственного дворянина Российской империи, воспитанного в строго монархической семье, в духе военной дисциплины, привыкшего служить по долгу присяги, не за страх, а за совесть, несомненно должно было привести к резкому столкновению моему с политическим авантюристом А. Гучковым, в результате чего я принуждён был подать прошение об увольнении в отставку, которая и явилась актом политической мести ко мне со стороны А. Гучкова. Подробности этого столкновения моего с А. Гучковым, имеющие совершенно доверительный, негласный характер, может доложить Вашему императорскому величеству лишь военный министр генерал-адъютант Сухомлинов, которому я лично докладывал все данные по этому делу. Убедившись, что в Госдуме служат не столько делу, сколько лицам в зависимости от их политических взглядов, глубоко сожалея об уходе своём с военной службы, с которой я сроднился в течение 26 лет, ныне пробыв в отставке 3,5 года, я беру на себя смелость повергнуть к священным стопам Вашего императорского величества мою всеподданнейшую просьбу об определении меня вновь на военную службу, дабы в путях монаршего милосердия мне была дарована с высоты престола возможность продолжать служить Вашему императорскому величеству, по примеру моих предков до конца моей жизни»⁶⁶.

Прошение было удовлетворено. Михайлов вернулся в армию капитаном и почти всю войну провёл в тыловых штабах, запасных и хозяйственных частях⁶⁷. Февральскую революцию он встретил, находясь в резерве при штабе Минского военного округа. 15 марта 1917 г. «Русское слово» напечатало большую анонимную статью о деле Сухомлинова, в которой характеризовались якобы замешанные в тёмных делах лица из окружения бывшего министра. Михайлов упоминался там среди «изменников» и авантюристов в одном ряду с Мясоедовым, А. Альтшиллером, Н.М. Гошкевичем и др. Прямо утверждалось, что Михайлов являлся соучастником Унгерн-Штернберга⁶⁸.

⁶⁴ Там же, л. 4—5.

⁶⁵ Там же, л. 5. Так, Михайлов купил имение Стыдыня с 4 544 десятинами земли в Волынской губ. у разорившегося владельца за 73 тыс. руб. (согласившись при этом оплатить его долги), а затем получил в Дворянском банке ссуду в 296 тыс. руб. под залог этого имения. Все операции Пётр Михайлович из предосторожности совершал в качестве поверенного своей жены (Там же, ф. 248, оп. 1, д. 44, л. 8—32).

⁶⁶ Там же, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 23—24.

⁶⁷ Там же, ф. 400, оп. 17, д. 29763, л. 2.

⁶⁸ Русское слово. 1917. 15 марта.

Статья, очевидно, была написана если и не со слов Гучкова и Крупенско-го, то на основании их показаний 1915 г. Текст изобилует ссылками на них, и в целом политики преподносятся принципиальными борцами с «заговором», во главе которого будто бы стоял Сухомлинов. Уже на следующий день после выхода номера «Русского слова» Михайлова арестовали в Смоленске, где находился штаб Минского округа, по распоряжению исполкома местного Совета рабочих и солдатских депутатов, сделанному на основании газетной публикации⁶⁹. Сидя под арестом, Михайлов написал письмо в редакцию газеты «Смоленский вестник», в котором решительно отрицал все обвинения и настаивал на том, что до суда даже не знал о существовании Унгерн-Штернберга, против Гучкова никогда не интриговал и никаких контактов с Сухомлиновым не имел. Более того, капитан заявил, что как раз Сухомлинов хотел удалить его из Канцелярии Думы, не пояснив, правда, зачем это нужно было бывшему министру⁷⁰.

В конце марта 1917 г. Гучков, ставший военным и морским министром Временного правительства, отправился инспектировать войска Западного фронта, во главе которого он, по согласованию с Алексеевым, поставил Гурко. О совместной работе с ним Александр Иванович вспомнил 30 марта, выступая перед Минским советом: «Задолго до войны вопрос о военных реформах в России, а в частности в военном деле, волновал многих. Ещё тогда организовался кружок членов Государственной думы, поставивший себе задачей провести ряд необходимых мероприятий и реформ в армии. Этот кружок нашёл сочувствие в группе офицеров, во главе которой был мой старый добрый друг, а ваш главнокомандующий, тогда ещё молодой офицер... Мы трудились, работали, болели душой, но не встречали сочувствия. Напротив, вы, вероятно, знаете, чем тогда ответил Сухомлинов. Он обвинил нас в “младотуречестве” и подверг всяческому гонениям. Мы были названы изменниками и предателями»⁷¹. В тот же день министр приказал отконвоировать Михайлова из Смоленска в Петроград и отдать в распоряжение коменданта Петропавловской крепости. Гучков явно стремился привязать капитана к «делу Сухомлинова», который якобы не только свернул сотрудничество с Думой, но и пытался дискредитировать истинных поборников укрепления военного могущества России, пользуясь услугами «шпиона» и поддерживая его клеветнические измышления о «младотурецком» заговоре. В таком ключе Александр Иванович высказывался и во время суда над генералом, противопоставляя его Редигеру, шедшему навстречу депутатам⁷².

1 апреля 1917 г. Михайлова доставили в Петропавловскую крепость, но не стали помещать в Трубецкой бастион к бывшим сановникам, а оставили на вахте. Там 7 апреля он дал краткие показания товарищу прокурора Петроградской судебной палаты Костенко, вновь отметив, что в заметке «Русского слова» содержалась «сплошная ложь и клевета», и заявив о своей лояльности новой власти: «К изложенному считаю необходимым добавить, что вообще в г. Смоленске революционное движение прошло тихо, все сразу объединились, никаких кровавых эксцессов не было и все твёрдо решили поддерживать

⁶⁹ ЦГИА СПб, ф. 1695, оп. 3, д. 8, л. 5.

⁷⁰ РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 2—3.

⁷¹ Русское слово. 1917. 31 марта.

⁷² Там же. 20 августа.

Временное правительство, в чём единодушно принесли присягу»⁷³. Участвовал ли Михайлов в других следственных действиях, неизвестно. После того как Гучков оставил министерский пост, капитана отпустили за отсутствием каких-либо доказательств вины. 28 августа 1917 г. он уже находился на свободе и выступал в качестве свидетеля на процессе Сухомлинова. В своей речи он заявил, что препятствовал нелегальной, как ему тогда казалось, работе кружка Гурко, и за это подвергся всяческим преследованиям со стороны Гучкова, выдумавшего нелепые обвинения в шпионаже⁷⁴. О том факте, что сведения о кружке передавались Сухомлинову в искажённом виде, Михайлов предпочёл умолчать.

Таким образом, в судьбе политического авантюриста причудливо переплелись думские, армейские и его собственные интриги, ложные обвинения, к которым прибегал и он сам, и его недруги. История Михайлова и «младотурок» являлась частным эпизодом в остром мировоззренческом конфликте, раскалывавшем военную элиту третьей ионьской монархии. Попытки проводить умеренные «прогрессивные» реформы с опорой на народное представительство встречали систематическое сопротивление «консерваторов», пользовавшихся симпатиями императора и имевших прочные позиции в Государственном совете и при дворе.

⁷³ ЦГИА СПб, ф. 1695, оп. 3, д. 8, л. 5.

⁷⁴ День. 1917. 29 августа; Новое время. 1917. 29 августа.